

Статья опубликована (с сокращениями): Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур. – М.: ИВИ РАН, 2021. – 418 с.

Томан Инга

Образ русского народа глазами Фридриха Боденштедта

Статья посвящена образу русского народа в сочинениях немецкого писателя, поэта, переводчика и слависта Фридриха Боденштедта (1819-1892). Ее основные источники – написанные им введение к собранию немецких переводов сочинений славянофилов и воспоминания о пребывании в России.

Фридрих Боденштедт (1819-1892) родился в Пайне близ Ганновера. После окончания Геттингенского университета уехал в Россию, чтобы стать домашним учителем в семье князей Голицыных. В 1843 году преподавал в тифлисской гимназии, в 1844-1846 гг. путешествовал по Кавказу, откуда вернулся в Германию. В 1854-1867 гг. был профессором славистики Мюнхенского университета; с 1878 года жил в Висбадене.

Ф.Боденштедт является автором многочисленных литературных произведений различных жанров. Наибольшую известность получили «Песни Мирзы Шафи», написанные по мотивам стихов известного азербайджанского поэта, с которым Боденштедт познакомился в Тифлисе¹. После возвращения в Германию Ф.Боденштедт издал фундаментальный труд «Народы Кавказа и их освободительная борьба против русских»², в котором содержится обширный материал по истории и этнографии. Значительную часть творческого наследия Ф.Боденштедта составляют переводы русской литературы, в том числе сочинений И.С.Тургенева, чрезвычайно ценившего его точность и стиль.

Прежде всего обратимся к первым впечатлениям в России двадцатиоднолетнего выпускника Геттингенского университета Фридриха Боденштедта.

Холодным осенним вечером 1840 года корабль из Любека прибыл в Петербург. Озаренный лунным сиянием город произвел на Ф.Боденштедта с первого взгляда сильное впечатление, однако вскоре оно сменилось разочарованием. Построенный вопреки природе, среди болот, ценой тысяч человеческих жизней Петербург казался ему холодным, безликим и призрачным, а встречи с многочисленными соотечественниками скорее

¹ По мнению некоторых исследователей, Ф.Боденштедт перевел и выдал за свои сочинения Мирзы Шафи. Это спорная точка зрения, так как в большинстве изданий Ф.Боденштедт фигурирует как переводчик, что вызывало сомнения у современников, считавших «Песни Мирзы Шафи» очередной литературной мистификацией. В конце жизни Ф.Боденштедт признался, что они скорее вдохновлены стихами его тифлисского знакомого, нежели являются их переводами. Едва ли уместно на этом основании обвинять Ф.Боденштедта в плагиате, ибо в то время грань между поэтическим переводом и стихотворением, написанным по мотивам творчества другого автора, была довольно условной.

² Bodenstedt F. Die Voelker der Kaukasus und ihre Freiheitskaempfe gegen die Russen. – Frankfurt am Main: Verlag von Johann Hermann Kessler, 1848. – 572 S.

удивляли, нежели радовали³. Неприятие северной столицы России сохранилось у него и в последующие годы: «Блистательный Петербург, построенный на болотах и стоящий сотни тысяч человеческих жизней, когда-нибудь бесследно исчезнет в топях, а Москва займет свое прежнее подобающее ей место, которое она никогда не теряла в сознании народа»⁴.

В начале 1841 года Ф.Боденштедт приехал в Москву, и она сразу очаровала его. Особенно ему понравилось то, что не только на окраинах, но и в центре Москва походила на большую деревню, сохранив тесную связь с природой, которая полностью отсутствовала в Петербурге. Он заметил, что обхождение здесь свободнее, а взаимоотношения между людьми теплее и доверительнее. Москва отличалась от Петербурга и большим разнообразием жизни. Дворцы соседствовали с хижинами, а одетые по последней парижской моде дамы пробирались через толпу мужиков. Ф. Боденштедт обратил также внимание на множество памятников старины, которые были связаны с реальной историей и овеяны живыми воспоминаниями. Все в Москве, считал Ф.Боденштедт, произрастает из родной почвы, все органично и естественно; Петербург же искусственен⁵.

После сдачи экзамена в Московском университете Ф.Боденштедт стал гувернером младших сыновей князя Михаила Николаевича Голицына (1796-1863) Михаила и Дмитрия. Он преподавал им латинский и немецкий языки, историю и географию и должен был неотлучно находиться при них с утра до вечера, однако это его не тяготило⁶. Два года в доме Голицыных были, по словам Ф.Боденштедта, самым спокойным и плодотворным периодом его жизни; здесь он узнал Россию с лучшей стороны⁷. Вспоминая своих московских знакомых, он особенно подробно говорит о тесте М.Н.Голицына Николае Григорьевиче Вяземском (1769-1846), учившемся, как и он, в Геттингенском университете; Павле Александровиче Олсуфьеве (1819-1844), который познакомил его с М.Ю.Лермонтовым в марте 1841 года, когда поэт остановился на два дня в Москве по дороге на Кавказ, а также учителях, дававших уроки детям М.Н.Голицыных, – будущем известном журналисте Михаиле Никифоровиче Каткове (1818-1887) и поэте Василии Ивановиче Красове (1810-1854). Лето семья Голицыных проводила в своей усадьбе Никольское-Урюпино. Сельская жизнь очень нравилась Ф.Боденштедту, тем более, что здесь он мог ближе познакомиться с народной жизнью.

После приезда в Москву он стал усердно изучать русский язык, однако разговорной практики у него было мало: в семье Голицыных общались

³ Bodenstedt F. Erinnerung aus menem Leben. – Berlin: Allgemeiner Verein fuer deutsche Literatur, 1888. – S. 50-59. На следующий день после своего приезда он отправился в ближайшую аптеку и булочную, и обе они оказались немецкими.

⁴ Bodenstedt F. Russische Fragmente: Beitrage zur Kenntnis des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. - Bd.1 – Leipzig: F.A.Brockhaus, 1862. – S.X

⁵ Bodenstedt F. Erinnerung aus menem Leben. – S.83-85

⁶ Ibid. S.46

⁷ Ibid. S.103

преимущественно по-французски⁸. Настоящий хороший русский язык Ф.Боденштедт впервые услышал от В.И.Красова. Василий Иванович был блестящим рассказчиком, умел в лицах передать особенности речи представителей различных сословий и познакомил Ф.Боденштедта с русским и украинским фольклором.

Впечатления от пребывания в семье Голицыных во многом определили отношение Ф.Боденштедта к России в последующие годы. Чтение и работа над переводами произведений русской литературы, общение с жившими в Германии выходцами из России дополняли и помогали осмыслить увиденное и услышанное в юности. Судя по воспоминаниям, Ф.Боденштедт оказался в очень благоприятной обстановке. Семья была европеизированная и культурная, и, вероятно, Голицыны и их окружение, в отличие от многих дворян, не относились к гувернеру, как к слуге, так что Ф.Боденштедт имел возможность для интеллектуального общения с некоторыми представителями российской аристократии. Тем не менее уже тогда его больше интересовала не европеизированная, а народная Россия, сохранившая традиции допетровской эпохи, и хотя он мог наблюдать за жизнью крестьян лишь издалека, во время прогулок в окрестностях Никольского-Урюпино, реалии крепостного права его шокировали⁹. Таким образом, воспоминания Ф.Боденштедта о пребывании в России в начале 1840-х годов объясняют, почему много лет спустя, будучи профессором Мюнхенского университета, он заинтересовался проектом И.С.Аксакова по изданию сочинений славянофилов на немецком языке.

Главной проблемой для И.С.Аксакова, решившего познакомить немецких читателей с идеями славянофилов, было найти не издателя, а переводчика. Вначале он обратился к своей давней московской знакомой, поэтессе и переводчице Каролине Карловне Павловой (урожд. Яниш). Когда-то в своем известном литературном салоне на Рождественском бульваре Каролина привечала славянофилов, но, потеряв состояние вследствие пристрастия к картам своего супруга писателя Н.Ф.Павлова, она покинула Россию и поселилась на родине предков, в Дрездене. Зарабатывая на весьма скромную жизнь исключительно литературным трудом, она не могла взяться за большую и, вероятно, бесплатную работу, однако согласилась отредактировать готовый перевод. И.С.Аксаков, возмущенный отказом, порвал с ней. Другой бывший соотечественник, переводчик и пропагандист русской литературы в Германии, издатель Вильгельм Вольфсон согласился, однако после долгих переговоров И.С.Аксаков отказался от его услуг вследствие его еврейского происхождения.

⁸ Bodenstedt F. Erinnerung aus menem Leben. – S. 104. Несмотря на это, Боденштедт считал, что русские бережнее немцев относятся к своему родному языку и не засоряют его иностранными словами. Обычай же говорить по-французски он объясняет стремлением скрыть от прислуги содержание разговоров

⁹ Bodenstedt F. Erinnerung aus menem Leben. – S. 205. В окрестностях Никольского-Урюпино Ф.Боденштедт стал свидетелем того, как дамы наблюдали за купающимися крестьянами. Если бы они встретили в таком виде мужчин своего круга, они бы отвернулись, пишет Ф.Боденштедт, однако дворяне не считают крепостных за людей, и потому дамы, наблюдая за крестьянами, не чувствовали стеснения, воспринимая их как животных. Замечания Ф.Боденштедта схожи со словами А.С.Пушкина о Маше из повести «Дубровский»: «Слуга или мастеровой не казался ей мужчиною». Ф.Боденштедт рассказывает также об обычае снохачества, который, по его словам, был введен помещиками для повышения рождаемости в крестьянских семьях. В соответствии с ним, взрослых девушек выдавали замуж за мальчиков, а супружеские обязанности выполнял свекор.

В марте 1860 года в Мюнхене И.С.Аксаков познакомился с Ф.Боденштедтом, который согласился написать введение и осуществлять общее руководство. В качестве переводчика Ф.Боденштедт порекомендовал своего знакомого, офицера баварской армии Христиана Шмидта, который в свободное от службы время изучил русский язык. И.С.Аксаков, устав от поисков, принял эту кандидатуру. В начале апреля И.С.Аксаков в письме к брату изложил будущий план антологии, включающей 25 работ, однако в июле редактор «Русской беседы» А.И.Кошелев прекратил ее издание и отказался от финансирования славянофильской антологии на немецком языке. В декабре 1860 года И.С.Аксаков постиг еще более тяжелый удар – смерть брата Константина. Убитый горем, он в письме к Ф.Боденштедту от 1 января 1861 года отказывается от своего дальнейшего участия в антологии, в том числе от просмотра готовых переводов, и просит его самостоятельно продолжить работу, воспринимая ее как дань памяти почившим авторам¹⁰.

Несмотря на занятость и необходимость постоянно думать о заработке для содержания семьи, Ф.Боденштедт довел до конца и издал в 1862 году брошенный на произвол судьбы труд, который, как он понимал, не мог найти массового спроса в Германии. Разумеется, осуществить в полном объеме грандиозный и довольно аморфный проект И.С.Аксакова он не мог, однако то, что ему удалось сделать, впечатляет. «Русские фрагменты. К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» – это солидная двухтомная антология славянофильских текстов, снабженная комментариями, а также обширным предисловием (Vorwort) и введением (Einleitung), написанными Ф.Боденштедтом. Содержание и структура антологии тщательно продуманы. Каждый том включает как обобщающие труды, так и труды, касающиеся конкретных событий и явлений прошлого и настоящего России¹¹.

Антология не была предназначена широкому кругу читателей. В предисловии Ф.Боденштедт подчеркивал, что не стремится к занимательности и легкости изложения, ибо говорит о серьезных вещах, имеющих отношение к будущему Европы. Ф.Боденштедт адресовал книгу прежде всего государственным деятелям и политикам, которые должны освободиться от

¹⁰ Русская беседа в Германии. История славянофильской антологии «Русские фрагменты»: к познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданная Фридрихом фон Боденштедтом. Предисловие, публикация и комментарии А.П.Дмитриева // Русская беседа: история славянофильского журнала. – СПб.: Пушкинский дом, 2011. – С. 278-296

¹¹ Первый том содержит сочинения К.С.Аксакова «О древнерусской общине и народном вече» и «Семейная и народная жизнь у древних славян», И.С.Аксакова «Народная жизнь и украинские ярмарки» и И.В.Беляева «Об историческом значении деяний Московского собора 1551 года»; второй – сочинения Н.П.Гилярова-Платонова «Личное и общественное», А.И.Кошелева «О крестьянской общине и поземельной собственности», А.С.Хомякова «Исторические фрагменты», П.А.Бессонова «О рукописи времен царя Алексея Михайловича, найденной и изданной под названием «Русское государство в середине XVII века», И.С.Аксакова «О ремесленном союзе в Ярославской губернии» и П.И.Бартенева «Граф Морков: дополнение к истории русской дипломатии».

касающихся России предрассудков и посмотреть здраво на ее прошлое, настоящее и будущее¹².

В начале предисловия Ф.Боденштедт подробно говорит об огромных размерах России, которые, по-видимому, не вполне представляли большинство его соотечественников. Она, по его словам, подобна морю народов, принимающего все новые и новые реки, ее границы постоянно расширяются, и неизбежным следствием этого станет мировое господство.

Культурные достижения России Ф.Боденштедт ставит невысоко. Из всех московских достопримечательностей только Кремль поразил его воображение. Русские, считал Ф.Боденштедт, более склонны не к архитектуре и изобразительному искусству, а к литературе, однако истинной красотой обладают лишь народные песни. У них нет имен, соразмерных с Данте, Шекспиром или Гете¹³, хотя современная русская литература (Тургенев, Гончаров, С.Аксаков) находится на уровне современной европейской литературы¹⁴. Однако Ф.Боденштедт был убежден, что рано или поздно гении мирового масштаба появятся и в России. «Придет время, – писал он, – когда Бог даст этому народу язык, дабы в бессмертных созвучиях донести до мира свои мысли, чувства, надежды и страдания». Однако это произойдет лишь тогда, когда Россия перестанет быть тем, чем она является сейчас, когда она перестанет стремиться к расширению своих границ и начнет углубляться в самую себя¹⁵, то есть обратится к своему великому народу, на котором основано ее нынешнее и будущее могущество.

Знакомя читателей с российской историей, Ф.Боденштедт акцентировал внимание на допетровской эпохе¹⁶. По его мнению, русские – свободолюбивый, независимый и самодостаточный народ, лишенный пиетета перед государственной властью, и до начала XVIII века не знавший деспотизма. Он отсутствовал не только в Новгородской вечевой республике, но даже в Московской Руси, где царская власть была ограничена Земскими соборами. Настоящий деспотизм начался в России только с Петра I, заполнившего немцами государственный и военный аппарат. Прежде всего на немцах, считал Ф.Боденштедт, лежит ответственность за превращение России в деспотическое полицейское государство. Таким образом, европеизация страны означала для русского народа не свободу, а порабощение.¹⁷

Каковы же особенности национального характера русских и чем они отличаются от немцев? В сноске Ф. Боденштедт отмечает, что имеет в виду не всех немцев, а только немцев России. Впрочем, из контекста видно, что изначально он имел в виду немцев вообще, однако потом решил не обижать своих соотечественников.

¹² Bodenstedt F. Russische Fragmente: Beitrage zur Kenntnis des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. - Bd.1 – Leipzig: F.A.Brockhaus, 1862. – S.3

¹³ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.VI-XI

¹⁴ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.34

¹⁵ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.XI-XII

¹⁶ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.VI-VII

¹⁷ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.26-33

«Русский склоняется перед властью, как и немец, однако совершенно иным образом, – пишет Ф. Боденштедт. – Он боится власти как слепой природной стихии и, дабы избежать ее разрушительной силы, использует любые средства. Немец же, напротив, почитает власть, и это почитание доходит у него до благоговения. Он стремится возвести в систему самый грубый произвол и использует свой разум для того, чтобы понять и обосновать его. Он во все вникает, всему придает смысл и превращает жесточайший деспотизм в благословенную Богом систему, что для русского в принципе невозможно. Немецкая основательность одинаково верно, самоотверженно и добросовестно служит и добру, и злу. Она представляет собой упорядоченную, мощную упорную силу, движущуюся к цели, но какой – не имеет значения. (...) Петр Великий завел в России по иностранному образцу шпионов, тайную полицию, всеобщую слежку, которая создала атмосферу неуверенности и подозрительности во всех сословиях, однако только немцы возвели это в систему. Без немецких министров, генералов, полицейских шпионов, чиновников всех мастей Россия не стала бы тем, чем она стала». Вполне объяснима поэтому, говорит Ф.Боденштедт, и ненависть русских к немцам: русские ненавидят власть, а власть - это немцы. Однако воспитанный немцами русский чиновник еще хуже: «Он лишен немецкой честности и для своего обогащения использует все средства. В конце концов эти привычки стали оказывать влияние и на русифицированных немецких чиновников»¹⁸. Коррупцией, пишет Ф.Боденштедт, поражен весь бюрократический аппарат снизу доверху, она воспринимается как сама собой разумеющаяся и когда в газетах появляются сообщения о наказании за взятки высокопоставленных чиновников, это производит трагикомическое впечатление¹⁹.

Отвращение русских к бюрократическому аппарату объясняется не только коррупцией. Русский народ, признающий «только Бога на небесах и царя на земле», может прекрасно обходиться без него. Ф. Боденштедта восхищает способность русских к самоорганизации. «Ни у одного другого народа не встречал я такой способности улаживать свои дела, без шума, писанины и формальностей, как у русских», – пишет он. Далее Ф.Боденштедт говорит о крестьянских общинах и рабочих артелях и отмечает, что ни в одном европейском городе он не видел такой прекрасной организации городского транспорта, как в Москве и Петербурге: в любое время можно быстро доехать в любой район за весьма низкую плату, и все потому, что чиновники не вмешиваются в работу извозчиков.

Склонность русских к коллективизму проявляется, по словам Ф.Боденштедта, и в устройстве деревень. Избы стоят рядом, заборов нигде нет; немцы же стремятся отгородиться от соседей.

Коллективизм русских и индивидуализм европейцев имеют как сильные, так и слабые стороны: «Немцу более свойственен индивидуализм, он самостоятельнее, более способен жить своим умом и принимать решения;

¹⁸ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.XII-XIV

¹⁹ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.115-116

русский стремится к кому-нибудь прислониться и примиряется с ограничениями, которые накладывает община. Этим объясняются и великие свершения русского народа, и его безмерная способность к самопожертвованию, которая не раз спасала страну, и его отставание от народов, величие которых достигается не напором массы, а индивидуальными усилиями.(...) У себя дома русский миролюбивее и добродушнее немца, однако, если начнется война, русские объединятся скорее, чем немцы. (...) Как индивидуум немец в большинстве случаев превосходит русского,однако как нация русские нередко одерживают верх»²⁰.

Ф.Боденштедт обратил внимание на глубокую искреннюю, лишенную лицемерия религиозность русского народа, основанную, как он считал, на присущих ему милосердию и состраданию, источником которых является бедность и обездоленность: «Там, где блага земные недолговечны и достаются тяжело и где человеку негде преклонить голову, там взоры обращаются к небесам в надежде обрести лучший мир. Зло происходит от зависти и ревности, которые являются неизменными спутниками достатка, однако обездоленные помогают друг другу, и среди них развивается сострадание, милосердие, любовь к ближнему, короче, все то, чему учит христианство, и так получилось, что, несмотря на заостренные формы византийской церкви, невежество священников и скудное религиозное воспитание, в народе сохраняется живое религиозное чувство»²¹. В русских церквях, пишет Ф.Боденштедт, не читают проповедей, однако церковное пение столь прекрасно, что оно воздействует сильнее, нежели слова²².

Рассказывая о религиозных праздниках, Ф.Боденштедт заметил неспособность русских к искренней радости. Печальны русские песни, и даже во время праздничных гуляний он не увидел настоящего веселья. Русским, пишет Ф.Боденштедт, не доставляет радости ни отдых, ни труд, и работают они лишь для того, чтобы хватило на еду (в которой, по словам Ф.Боденштеда, русские очень умеренны) и водку. Однако главной причиной нищеты русского народа он считает не пьянство и лень, а крепостное право²³.

Одна из главных особенностей сочинений Ф.Боденштедта о России – преобладание этического подхода. Прежде всего он определяет его исторические и политические оценки. Неприятие Петербурга связано у него с огромными человеческими жертвами, которых стоило его строительство. С моральных позиций он осуждает и Кавказскую войну. Она, по мнению Боденштедта, несправедлива и бессмысленна, и «ее огонь пройдет через века», хотя «царь из года в год усеивает Дагестан трупами своих воинов»²⁴.

²⁰ Bodenstedt F. Russische Fragmente. – S.XV-XX

²¹ Bodenstedt F. Erinnerung. S.182

²² Bodenstedt F. Erinnerung. 69

²³ Bodenstedt F. Erinnerung. S.181-183. Ф.Боденштедт, когда пишет о русском народе, ничего не осуждает безоговорочно, но пытается объяснить. Например, по поводу грязи на улицах и в домах и отсутствия привычки к личной гигиене, он пишет, что у русских есть общественные бани, где они моются раз в неделю, но зато как следует. У немцев мало общественных бань, и потому им приходится ежедневно следить за чистотой (Ibid. S.186-187)

²⁴ Bodenstedt F. Die Voelker der Kaukasus und ihre Freiheitskaempfe gegen die Russen. – S.VIII-X

Российских правителей Боденштедт оценивает также с этической точки зрения, то есть по их отношению к народу. Ивана IV он, следуя традиции российской историографии, считает злодеем, прикрывающим свои преступления показной набожностью. В стихотворении «Генрих VIII и Иван IV» он сравнивает английского и русского монархов XVI столетия, находя у них немало общего: жестокость, религиозность, многоженство. Правление обоих породило смуту, но в исторической памяти англичан и русских беспощадный тиран воспринимается как добрый и мудрый правитель: «Однако внуки убиенных убийц, как прежде, слепо чтут»²⁵. Реформы Петра I Боденштедт оценивает с этической точки зрения, то есть отрицательно. По его мнению, Петр I, пригласив в Россию немцев, превратил свою страну в полицейское деспотическое государство. Что касается его просветительской деятельности, то она никак не коснулась простых людей: народ продолжал пребывать в темноте и невежестве²⁶. Негативно оценивает Ф.Боденштедт и деятельность Екатерины II – и тоже за привлечение в Россию немцев. Закрепостив и обездолив русских крестьян, бывшая немецкая принцесса пригласила колонистов из германских земель. В итоге рядом с нищими русскими деревнями, страдающими от произвола, поборов и малоземелья, появились богатые немецкие колонии. Естественным следствием жестокости и несправедливости власти стал Пугачевский бунт²⁷. Заметное место в «Русских фрагментах» занимают рассуждения о Николае I. Ф.Боденштедт напоминает читателям, каким авторитетом в консервативных кругах Европы пользовался русский император, ибо он был единственным из европейских монархов своего времени, кто мог по праву повторить слова Людовика XIV: «Государство – это я». Николай I воплощал для европейцев романтический образ грозного могущественного монарха, но Крымская война показала слабость созданного им режима. Однако правителя, считал Ф.Боденштедт, нельзя отождествлять с его народом. Рухнувшее величие Николая I и крах его политики – не повод называть Россию «колоссом на глиняных ногах». До Крымской войны ее переоценивали, теперь – недооценивают²⁸.

Из всех российских правителей более всего Ф.Боденштедту импонирует Александр II. В посвященном ему сонете он пишет, что новый император сделал для страны гораздо больше, чем его предки, расширявшие границы своих владений ценой кровопролитных войн: «Народу даровав освобожденье, стяжал ты славы больше, чем в сраженьях»²⁹.

Какое будущее ждет Россию? Сумеет ли ее народ должным образом воспользоваться дарованной ему свободой? Ф.Боденштедт был слишком осторожен, чтобы давать конкретные прогнозы. Основная его цель состояла в

²⁵ Bodenstedt F. Alte und neue Gedichte. Bd.1– Berlin: Verlag der Koeniglichen Geheimen Oberhofdruckerei (R. von Decker), 1867. – S.98

²⁶ Bodenstedt F. Erinnerung. S.70-74

²⁷ Bodenstedt F. Russische Fragmente. S.50-51

²⁸ Bodenstedt F. Russische Fragmente. S.XXVI-XXVII

²⁹ Bodenstedt F. Alte und neue Gedichte. – S.71

том, чтобы развеять относящиеся к России клише и мифы и заставить европейцев задуматься о ее реальном положении в мире

«Россия – не колосс на глиняных ногах, – пишет Ф.Боденштедт. – Ее основа – глубоко верующий народ, живущий в соответствии с древними, освященными традицией общинными установлениями, и еще ни одни завоеватель не покорил ее»³⁰. Не согласен Ф.Боденштедт и с распространенным у себя на родине мнением, согласно которому в германском характере преобладают мужские черты, а в славянском – женские, а потому будущее славян связано с зависимостью от германцев. Русские – сильный народ, и его сила, считал он, основана на глубокой, пронизывающей всю их жизнь религиозности, которая и восхищала его как романтика, и пугала: «Эта жертвенная вера является существенным моментом национального единства, и по воле самодержца она легко превращается в фанатизм, что представляет для нас опасность»³¹.

Предисловие к «Русским фрагментам» Ф.Боденштедт заканчивает следующими словами: «Гете сказал, что способность к самопожертвованию есть высшая добродетель, ибо включает в себе все остальные. Нет ни одного народа, которому эта добродетель была бы присуща в большей степени, нежели славянам. Славяне не знают партийной борьбы, и если среди них появится человек, который воспламенит народ истинной или иллюзорной идеей, они поднимутся все, как один, и сметут своим воодушевлением любое сопротивление. Эта способность к самопожертвованию, эта самоотверженность, о которых постоянно свидетельствует российская история (...) вкупе с единством, святостью семейных уз и общинными порядками, - залог великого будущего»³².

В задачи данной работы не входит критический разбор идей Ф.Боденштедта. Стремясь развеять одни мифы, он порой сам занимается мифотворчеством, рассматривая прошлое и настоящее России сквозь призму славянофильских идей, которые привлекли его тем, что, во-первых, соответствовали его собственным наблюдениям и впечатлениям, а, во-вторых, напоминали знакомые мотивы немецкой романтической философии. Чем же может быть интересен Ф.Боденштедт современному российскому читателю? Не только тем, что, несмотря на неприятие внешней и внутренней политики самодержавия, он восхищался русским народом и посвятил значительную часть своей жизни тому, чтобы познакомить своих соотечественников с русской культурой. Не только тем, что его воспоминания – интереснейший источник о России 1840-х годов. Для плодотворного самопознания полезно узнать мнение со стороны не только о своих недостатках, но и достоинствах, особенно таких, существование которых нам кажется спорным.

Еще Фридрих Боденштедт напоминает о весьма часто забываемом этическом подходе к оценке исторических событий и политических реформ. Да, его рассуждения о прошлом и настоящем России пребывают в контексте эпохи

³⁰ Bodenstedt F. Erinnerung. S.72-73

³¹ Bodenstedt F. Russische Fragmente. S.XX-XXI

³² Bodenstedt F. Russische Fragmente. S.36-37

романтизма. Но не только. Некоторые из них удивительно ярко высвечивают отдельные фрагменты событий XX столетия, а иные уводят в глубь веков, к Аристотелю, пытавшемуся убедить будущих политиков и историков, что государство существует не для государства, а «создается для того, чтобы жить счастливо»³³.

³³ Аристотель. Политика. Книга 3